

— Дядечка-настоятель Юнь собирается взять ученика? Какое совпадение, как раз через полмесяца состоится Церемония принятия учеников, тогда дядечка-настоятель Юнь сможет заглянуть на пик Цзюньцзы. Впрочем, ученики слышали, что многие дети, желающие поступить в ученики, уже прибыли в городок Цзайлай у подножия горы. Если дядечка-настоятель Юнь опасается, что во время Церемонии не сможет выбрать никого по душе, он вполне может отправиться туда заранее и присмотреться к кому-нибудь.

Сунь Юн намеренно поделился с Юнь Цинмо новостями о городке Цзайлай, желая, разумеется, оказать тому услугу. Даже если не удастся опереться на Юнь Цинмо как на могущественное дерево, можно хотя бы укрыться в его тени. Сам он уже немолод, столько лет пробыл во внешних вратах, но должного внимания не получал. После того как Чэнь Да сегодня вернулся и рассказал о произошедшем, Сунь Юн решил, что его час пробил. Хотя Юнь Цинмо зарекомендовал себя не с лучшей стороны и люди его не жаловали, как-никак он оставался главой пика и одним из сильнейших заклинателей в секте Цзюньшань. Не будь у него привычки с давних пор не выносить чужого вмешательства, на пике Сяочжу нашлось бы место хотя бы для слуг. Теперь же Юнь Цинмо сам затребовал прислуги, что, должно быть, означало его намерение навести порядок на пике Сяочжу. Однако из-за дурной славы Юнь Цинмо никто из управляющих внешних врат не осмелился бы явиться туда сам, благодаря чему Сунь Юн с такой легкостью и заполучил это поручение. Как же ему было упустить шанс подсказать план действий своей будущей опоре?

Чжоу Чжоу думал совсем о другом. Размышляя о Церемонии принятия учеников, он хотел лишь в назначенный день официально закрепить за ребяташком статус ученика. Личный ученик главы пика не мог быть принят просто так, и этот шаг на Церемонии был абсолютно необходим. Главные сведения он уже получил, поэтому дальнейшие слова Сунь Юна слушал вполуха.

Однако Цзи Юньлю расслышал всё до мельчайших подробностей. Его лилово-ахроматические глаза внезапно сузились, и, услышав, что Юнь Цинмо вознамерился взять еще одного ученика, он мгновенно помрачнел. Ожесточенным взглядом он исподлобья уставился на Сунь Юна, посмеявшегося давать неуместные советы.

Сунь Юн лишь ощутил, как у него внезапно за холодело за шиворотом, а температура вокруг упала на несколько градусов, однако ему и в голову не пришло связать это с мальчишкой, которого Юнь Цинмо прижимал к груди. Заметив этого фарфорового малютку с самого прихода, он, зная о странностях Юнь Цинмо, счел ребенка лишь мальчиком для утех, которого тот держал при себе. Опасаясь задеть обратную сторону чешуи своей будущей опоры, Сунь Юн даже не посмел взглянуть на него лишний раз и, конечно же, не подозревал, что из-за всего одной брошенной фразы навлек на себя гнев злопамятного босса Цзи.

— Хорошо, я понял. Впредь пик Сяочжу будет на твоем попечении. Распорядись, чтобы на задней горе расчистили участок под лекарственное поле, а затем сходи в павильон траволечения за семенами и посади их, они скоро мне понадобятся, — распорядился Чжоу Чжоу, а затем обратился к двоим оставшимся, умеющим готовить: — Вы двое отныне должны будете готовить еду три раза в день, желательно с использованием духовных плодов и духовного риса, и вовремя доставлять её сюда.

Отдав напоследок еще несколько мелких поручений, Чжоу Чжоу отпустил их.

Приняв одежды из чужих рук, Чжоу Чжоу окинул их взглядом. Всё оказалось ровно так, как он и прописал: у первого поколения секты Цзюньшань — то есть у главы и самого Юнь Цинмо — окантовка воротника и пояса были золотыми; у прямых учеников второго поколения — фиолетовыми; у учеников второго поколения, зачисленных без прохождения полного ритуала — синими. Непрямые и принятые в ученики без передачи тайных наставлений обитатели пиков считались третьим поколением, и их одежда имела белую окантовку, сливавшуюся с общим цветом ткани. В этот же момент в руках у него лежали два одеяния: одно — с золотой окантовкой, другое — с фиолетовой.

Прижав малютку к груди, он вошел в комнату и лишь уложив его на кровать, с запозданием заметил, что ребенок, кажется, чем-то расстроен.

— В чем дело? Юнь-эр тревожит что-то на душе, почему ты такой невеселый?

Хотя Чжоу Чжоу и твердо вознамерился стать хорошим наставником, свойственная ему толстокожесть не исчезала по мановению волшебства, а потому он, разумеется, не разглядел истинной причины уныния босса Цзи.

— Раз Наставник взял нового ученика, значит ли это, что он больше не хочет Юнь-эра? — с жалобным видом глядя на Чжоу Чжоу глазами, полными влажного блеска, словно у испуганного олененка, спросил мальчик.

Чжоу Чжоу изумился:

— Когда это Наставник говорил, что собирается брать нового ученика?

Ребятишек жалобно протянул:

— Только что Наставник спрашивал того человека про Церемонию принятия учеников...

Только теперь Чжоу Чжоу понял причину детской хандры: оказывается, малыш решил, будто он намерен обзавестись новичком, и приревновал. Осознав это, он испытал потрясение, смешанное с польщенным трепетом — будущий злодей-босс ревновал его! Эта ситуация казалась поистине сюрреалистичной.

Сохраняя на лице непроницаемое выражение, но ликуя в глубине души, Чжоу Чжоу принялся объяснять:

— Юнь-эр всё не так понял. Наставник спрашивал о дне проведения Церемонии, чтобы официально принять тебя в тот день своими прямыми учениками, а вовсе не ради новых воспитанников.

— Значит, Наставник имеет в виду, что больше никого не возьмет, и отныне у него навсегда останется лишь один ученик — Юнь-эр?

Те самые жалобные глаза в один миг засияли ярче сотен ватт, словно персонаж после критического урона получил исцеляющее заклинание максимальной мощи и мгновенно восполнил шкалу здоровья и маны.

— Э-э... разумеется.

Очарованный умильным взглядом босса Цзи, Чжоу Чжоу потерял дар речи и, конечно же, упустил из виду слово «навсегда», слетевшее с уст ребенка. Впрочем, даже если бы заметил, это ничего не изменило бы. Для такого ленивого человека, как Чжоу Чжоу, действовало вечное правило: меньше хлопот — крепче сон. Взять Цзи Юньлю в ученики он решил из чувства вины перед малышом, желая исправить содеянное по мере сил. Возиться же с ещё одним учеником у него не было ни малейшего желания.

— Наставник самый лучший, Юнь-эр так счастлив!

Неизвестно, было ли дело в уменьшившемся теле, но босс Цзи демонстрировал, что ластиться и капризничать ему ничуть не трудно.

— Ха-ха, Наставник тоже очень рад. Будь послушным, Юнь-эр, у Наставника есть только ты один, так что в будущем, когда подрастешь, тебе придется заботиться о Наставнике.

В прошлой жизни он привык общаться с читателями, шутить и выпрашивать у них любовь и внимание, поэтому последняя фраза сорвалась с языка сама собой.

Чжоу Чжоу был готов прикусить собственный язык: кланчить у собственного ученика содержание — это же полный позор.

— Мм, ученик позаботится о Наставнике.

Малыш кивнул с необычайной серьезностью, его звонкий и приятный голос прозвучал отчетливо, а слегка изогнутые глаза неотрывно смотрели на Чжоу Чжоу.

Столкнувшись с таким взглядом, Чжоу Чжоу почувствовал, как к нему возвращается куда-то запропастившееся за долгие годы чувство стыда, и неожиданно для самого себя покраснел. Словно вспомнив о том, что он здесь всё-таки наставник, мужчина снова напустил на себя суровый вид и хриловатым, нарочито строгим голосом произнес:

— Раз знаешь, так давай быстрее переодевайся.

Хотя голос Чжоу Чжоу звучал строго, движения его были мягкими. Он привычно стянул с ребятишка одежду, обнажив пухлого мальчишку целиком. Босс Цзи, уже оттаявший душой, демонстрировал, что предстать обнаженным перед Наставником для него сущий пустяк. А вот сам Чжоу Чжоу перед горой сваленной одежды растерялся. Твою ж мать, кто-нибудь может подсказать ему, какая из этих дюжины вещей надевается первой, а какая второй, и где у них изнанка с лицом? Он понятия не имел, в каком порядке их натягивать! Внезапно до него дошло, что уготованная ему всевышним система попаданцев — та еще свинья: у других героев при перемещении имелись золотые пальцы, а он оказался совершенно не приспособлен к элементарной бытовой жизни.

Шло время, а одежда так и оставалась не надетой. Цзи Юньлю с недоумением скосил глаза вбок и увидел, что облаченный в белые одежды юноша с черными волосами и утонченной внешностью застыл перед гручей вещей, нахмутив брови и застыв в глубоком раздумье.

— Наставник... может, Юнь-эр сам оденется? — с опаской подсказал малютка.

— ...Хорошо, — с каменным лицом выдавил Чжоу Чжоу, но всё сильнее красневшие кончики ушей выдавали его истинное состояние.

...

В итоге босс Цзи мысленно поставил у себя зарубку: Наставник не умеет одеваться.

Но почему же Наставник не умеет одеваться?

Чжоу Чжоу с бесстрастным выражением лица смотрел, как стоящий перед ним ученик, который ростом не доставал ему и до пояса, с предельно серьезным видом переодевает его самого. В этот момент по его внутреннему миру со страшным грохотом пронеслось стадо диких лошадей, а хрупкое сердечко покрылось новыми трещинами. Он тут же дал себе зарок в кратчайшие сроки научиться облачаться в одежды самостоятельно. Однако воодушевленный Чжоу Чжоу упустил из виду одну важную деталь: он напрочь забыл, что обладает нулевыми способностями к любому физическому труду.

И если очень-очень нескоро вам доведется увидеть подобную картину, можете не удивляться:

Некто ученик: Наставник, пора вставать и одеваться.

Некто наставник: Юнь-эр, будь послушным, дай Наставнику еще немного поспать.

Конечно, сейчас было еще далеко до тех времен, и Чжоу Чжоу пока не испытал сокрушительного удара, заставившего бы его бросить попытки освоить искусство одевания. Босс Цзи же просто наслаждался процессом облачения своего наставника и даже не помышлял о том, что это станет его повседневной обязанностью.

На одно лишь переодевание ушло больше часа, и когда Чжоу Чжоу наконец привел себя в порядок, слуги уже принесли вечернюю трапезу.

Наставник и ученик сидели бок о бок за обеденным столом, и Чжоу Чжоу то и дело подкладывал в чашку малышу кусочки получше, опасаясь, что ребенок останется голодным.

По меркам Чжоу Чжоу, пяти-шестилетний ребенок всё еще нуждался в том, чтобы его кормили с ложечки. Он совершенно упускал из себя тот факт, что в этом мире бессмертных ребенок четырех-пяти лет, уже начавший практику, мог запросто уложить на лопатки дюжего и упитанного взрослого без капли духовной силы.

Впрочем, раз Чжоу Чжоу этого не осознавал, босс Цзи был только рад предаваться заботе наставника.

— Наставник, вы тоже поешьте.

Подражая Чжоу Чжоу, малютка подцепил палочками кусочек мяса и положил его в тарелку старшему.

— Мм.

Взглянув на послушного и разумного ученика, Чжоу Чжоу почувствовал глубокое удовлетворение. Прикинув в уме вероятность того, что под его чутким руководством этот ребятишок всё же докатится до темной стороны и превратится в злодея-босса, он решил, что будущее видится ему в самых светлых тонах.

Сладостно уплетая принесенную учеником еду, Чжоу Чжоу беспрестанно обдумывал план возвращения малютки. Пусть у главного героя имелись золотой палец и ореол избранности судьбы, но за спиной ребятишка стоял он, а значит, тот ни в чем не уступит протагонисту. Когда он сам переместился в этот мир, книга была написана лишь наполовину, и множество упомянутых в ранних главах скрытых нитей, подсказок и тайных сокровищниц еще не успело воплотиться на бумаге. Стоило ему опередить остальных и разыскать эти реликвии первыми, и это не считалось бы отниманием чужого добра, а следовательно, не вызвало бы противодействия со стороны сюжетной брони главного героя. Вспомнив о тех не имеющих равных божественных артефактах из поздних глав романа, Чжоу Чжоу вмиг воспрял духом, а в его глазах загорелся хищный зеленый огонек.

Да я же просто озолочусь!

Цзи Юньлю во все глаза наблюдал, как его наставник пожирает взглядом тарелку жареной свинины с зеленым перцем, аж слюнки пуская, и молча сделал в уме пометку: Наставник любит жареную свинину с зеленым перцем.

Знай Чжоу Чжоу, что с этого дня ему придется до конца своих дней со страхом взирать на ежедневную порцию перца с мясом, он бы непременно уставился на ту тарелку с тушеными свиными рульками. Разумеется, в данный момент он об этом даже не догадывался.

Секта Цзюньшань, пик Юньу.

Если пик Сяочжу был слабейшим и самым малочисленным в секте Цзюньшань, то пик Юньу, напротив, обладал наибольшей силой и насчитывал больше всего адептов, не уступая по мощи даже пику Цзюньцзы, где восседал сам глава.

Глава пика Юньу, Мо Хуаньсу, в этот момент хмуро выслушивал доклад своего ученика.

Мо Хуаньсу глухим голосом спросил:

— Ты хочешь сказать, что этот ничтожище с пика Сяочжу собирается участвовать в Церемонии принятия учеников?

— Именно так, шицзунь. Ученик как раз проходил мимо внешних врат и услышал, как все только об этом и говорят. Слухи пошли от нового управляющего пика Сяочжу по имени Сунь Юн. Сегодня утром дядечка-наставник Юнь затребовал из внешних врат несколько слуг, и этот Сунь Юн как раз получил назначение. Ученик полагает, что весть достоверна, а потому, едва услышав о ней, сразу же поспешил доложить шицзуню.

Докладывающий был облачен в одежды с белой окантовкой, явно являясь адептом третьего поколения с пика Юньу. По идее, у него не было права напрямую обращаться к Мо Хуаньсу как к главе пика, но принесенные им вести прились Мо Хуаньсу по вкусу, что и предоставило ему эту возможность.

Он провел на пике Юньу уже десять лет, и хотя новые ученики вот-вот должны были переступить порог секты, сам он по-прежнему оставался всего лишь низшим по рангу адептом третьего поколения среди внутреннего круга. Как ему было не тревожиться? Однако, на беду, природные данные у него оказались посредственными: с трудом заложив основу ци, он уперся в собственный потолок и до сих пор оставался на первой ступени Заложения основ. Во всей секте Цзюньшань не было никого, кто не знал бы о взаимной неприязни между главой пика Юньу и главой пика Сяочжу. Хотя до смертельной вражды дело пока не доходило, отношения между ними напоминали огонь и воду. Не живи Юнь Цинмо уединенно на пике Сяочжу, редко появляясь на людях, еще неизвестно, до чего дошло бы их противостояние. Теперь же, заметив признаки того, что Юнь Цинмо намерен вернуть себе былое влияние, этот адепт примчался с докладом при первой же возможности, надеясь заслужить расположение Мо Хуаньсу.

— Хорошо, ты поступил правильно. Если в будущем появятся хоть какие-то вести с пика Сяочжу, докладывай мне незамедлительно, как сегодня. Раз уж ты всё еще на первой ступени Заложения основ, возьми эту пилюлю укрепления основы, займись усердными тренировками — если хочешь стать моим учеником, нельзя довольствоваться столь жалким уровнем развития.

Лицо Мо Хуаньсу оставалось бесстрастным, однако пронизывающее всё его существо высокомерие сквозило в каждом движении.

Адепт третьего поколения уловил скрытый смысл слов Мо Хуаньсу и пришел в неопишуемый восторг. Поспешно поклонившись, он ответил:

— Слушаюсь! Ученик будет свято чтить наставления шицзуня, усердно тренироваться, чтобы не посрамить его имя, и выполнит любое поручение шицзуня изо всех сил!

— Мм.

Мо Хуаньсу кивнул и добавил:

— Я беру тебя лишь в ученики без передачи тайных наставлений, так что дальнейшие успехи в культивации зависят только от тебя самого.

— Ученик понимает и не смеет утруждать шицзуня сверх меры.

Пусть он оставался лишь учеником без передачи тайных наставлений, ресурсы, доступные ему теперь, шли ни в какое сравнение с прежними. Для человека, уже не надеявшегося достичь стадии обретения духовного эликсира, возможность стать учеником главы пика была величайшим благом.

— Можешь идти. Если появятся новости, доложишь снова.

Мо Хуаньсу махнул рукой, отпуская его.

— Ученик удаляется.

Когда адепт ушел, безмятежное доселе лицо Мо Хуаньсу постепенно исказилось зловещей, свирепой гримасой. Устремив взгляд в сторону пика Сяочжу, он заговорил мрачным, исполненным злобы голосом, и каждое слово будто выдавливалось сквозь стиснутые зубы:

— Юнь Цинмо, раз уж ты прекрасно знаешь, что превратился в бесполезную рухлядь, тебе следовало сидеть в своей собачьей конуре, тихо доживая век, а не вылезать наружу и не привлекать к себе внимания. Но раз до тебя это не дошло, я сам преподам тебе урок, как следует себя вести.

Он уже не мог дожидаться момента, когда на этом вечно отрешенном лице проступят отчаяние и ужас.

<http://bllate.org/book/22479/2368315>